

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ-ВОЛЧИЦЫ (УС-БИРÆГЪ) ОСЕТИНСКОЙ НЕСКАЗОЧНОЙ ПРОЗЫ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРА ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ НАРОДОВ

Д.В. СОКАЕВА,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник СОИГСИ

Общая характеристика образа. Тексты демонологии о женщине-волчице были и есть очень популярны среди осетин. Это небольшие рассказы о реальных женщинах, при жизни которых их настолько боялись, что вряд ли отважились бы указать на них, но об умершей женщине-волчице, как правило, рассказывают охотно. Обычно, чтобы превратиться в волка, как рассказывают, такая женщина бежит к мельнице, проходит по желобу и выпрыгивает уже волком. В таком состоянии она бежит к скотине и пускает ей кровь, не съедая. Затем обратно проходит по желобу и превращается в женщину. Далее тексты развиваются по двум типам. Первый тип — это тексты о женщине-волчице, у которой мужчина крадет одежду; женщина-волчица просит прощения, просит вернуть одежду и не рассказывает односельчанам об увиденном; мужчина возвращает ей одежду (иногда за выкуп); иногда мужчина проговаривается, и тайное становится явным. Второй тип — это тексты о женщине-волчице, которую мужчина из села замечает и

ударяет каким-нибудь предметом; на следующее утро какая-нибудь женщина в селе оказывается недомогающей, с меткой от удара; сельчане делают вывод, что она и есть женщина-волчица.

Таким образом, все тексты о женщине-волчице можно условно разделить на два типа: первый тип — это тексты о женщине-волчице, у которой крадут одежду, второй тип — это тексты о женщине-волчице, которую в момент ее превращений ударяют каким-нибудь предметом.

Крадут у героини вещи и в других сюжетах фольклора индоевропейских народов, например, в русских, осетинских и других индоевропейских волшебных сказках герой сказки крадет одежду у девушки-птицы, когда она прилетает на озеро купаться со своими подругами, сестрами и т.д. События указанного нами сюжета отмечены номером 313 по указателям АТ, СУС и развиваются по сценарию «свадьба».

Схемы сравниваемых сюжетов фольклора таковы: русская, осетинская, украинская, белорусская, таджикская и

другие индоевропейские волшебные сказки: герой сказки на берегу озера (реки) крадет у девушки-птицы одежду — >при констатации этого факта, героиня произносит брачную формулу — >испытания — >свадьба.

Осетинская демонология: первый тип рассказов о женщине-волчице — героиня повествования у мельницы прячет одежду женщины-волчицы — >герой повествования возвращает ей одежду, второй тип — мужчина из села замечает женщину-волчицу и ударяет ее каким-нибудь предметом — > на следующее утро про недомогающую женщину говорят, что она и есть женщина-волчица.

По поводу того, что женщину-волчицу метят ударом каким-нибудь предметом можно привести сюжет осетинского Нартовского эпоса, в котором превращенную девушку тоже метят (сюжет «Яблоко нартов»). Схемы сравниваемых сюжетов народной культуры таковы:

Нарты (героический позитив):

Героиня — невеста-голубка из воды
яблоко нартов < — вода (урон — золотое яблоко)
ранит мужчина = сын «волка» — >
свадьба

Осетинская демонология:

Героиня — женщина в возрасте — женщина-волчица
село — >вода, мельница (урон — ягненок, какая-нибудь скотина)
ранит мужчина = заместитель божества? — >болезнь.

Итак, первый тип рассказов о женщине-волчице соответствует эпизоду с кражей одежды индоевропейской волшебной сказки, а второй тип рассказов о женщине-волчице структурно соответствует по принципу зеркала сюжету

нартовского эпоса. В случае с голубкой происходит творение трех сфер космоса с ее помощью, так как она (небо + вода) включает в космические события представителя земли (и подземного мира), а в демонологическом тексте женщина-волчица (земля + вода), обладая способностью превращаться в волчицу, пытается произвести ритуальные действия, но в подземном мире. Обладает ли она этими полномочиями?

Почему мы сделали вывод, что мужчина, ранящий женщину, — божество или выполняющий его роль простой смертный? Потому, что предметом, способным убить или ударить человека, или деревом в мифологии индоевропейских народов владеет именно божество, Громовержец¹ или божество Нижнего мира. Исходя из того, что мы имеем дело с осетинской мифологией, такие действия может производить охранитель скота, патрон волков, Тутыр², или его древняя иранская ипостась Курдалагон — Варгон³. Божество Нижнего мира, в славянской мифологии Волос-Велес, тоже является богом скота. Таким образом, функция Тутыра и Велеса — охранительная. Какие у них отношения с женщиной-волчицей: наказывают они ее или производят ритуальные действия? Если наказывают по-настоящему, то она не обладает полномочиями ритуального превращения в волчицу и принесения в жертву какой-нибудь скотины и является исполнительницей своего ритуала, не связанного с Тутыром, и только в демонологических текстах происходит их встреча. Ее хотят лишить силы. Если ее «метят», тем самым производя ритуальное действие, то она полноценная участница «ночной драмы» в двух частях. Но есть и третий вариант, ее ударяют, желая предотвратить

ее смерть: то есть, ударяя, защищают⁴.

Исследователи выделяют так называемые «божества стопы» хтонического происхождения, к которым относятся Гефест — Вулкан — Варгон — Вæлунд. Часто «божества стопы» характеризуются дефектностью ног. Как пишет Вл. А. Семенов, «...во время римских луперкалий зачатую способствует удар ремня — фебруа, который стремятся получить бесплодные женщины от жрецов — волков — луперков...»⁵. Если женщина-волчица получает косвенно удар от Курдалагона, то она как «воровка» сближается с одной из девушек-птиц, крадущей золотые яблоки Нартов и также получающей увечье от руки «сына волка». Одним словом, женщина-волчица существует в осетинском фольклоре по принципу «нелюбимая, но требую свою одежду и получаю «метку» (специально/неспециально) от мужчины (ритуального/неритуального)». Мы сознательно делаем акцент на непонятности некоторых моментов описания рассматриваемого действия, потому что именно эта непонятность обеспечивает загадочность ситуации в наше время, когда подлинная мотивация всех участников описываемой драмы лежит далеко не на поверхности, и для нас пока не очевидна. И, как мы увидим из приведенных в конце статьи текстов, не все мужчины, заметившие женщину-волчицу за ее занятием, ударяют ее твердым предметом, «метят» ее, но пометить женщину-волчицу — каноническое действие рассматриваемых демонологических текстов. По поводу предметов, которыми ударяют, можно заметить, что женщина-волчица осетинской демонологии, единственная героиня в «волчьей» шкуре осетинской сказки на сюжет 510А АТ, СУС, и римс-

кие луперки пользуются мягкими предметами — войлочной плетью, ремнем, а мужчина, ранящий женщину-волчицу в осетинской демонологии — «метит» твердым, нередко острым предметом, либо бьет ее рукой.

Приведенные два типа рассказов о женщине-волчице характерны и для иронских, и для дигорских текстов, хотя в дигорских текстах есть эпизод «валяния в песке» как ритуальный вместо «прохождения через желоб мельницы» в иронских⁶. Мельница — стойкий атрибут почти всех видов демонологических текстов из разных мест, если текст не деградировал до текста просто вапирического характера. В дигорских текстах женщина-волчица/женщины-волчицы вываливались в песке, делали себя похожими на волков, затем разбивали окна и двери в летних стоянках, пугали людей (Уосæ берæгътæ. НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.652, л.8, инв. №2315, исп. Кодзасов А., 6.07.1999 г. в с. Мадзашка, зап. Сокаева Д.); раздевалась под мельницей, валялась в песке и превращалась в волчицу, бежала к отаре баранов и задирала барана (Уосæ берæгътæ. НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.652, л.8, инв. №2315, исп. Темиров К., 6.07.1999 г. в с. Куссу, зап. Сокаева Д.); женщина подошла к мельнице, разделась, превратилась в волчицу (1); раздевалась донага, валялась в песке и в таком виде появлялась среди овец (Уосæ берæгътæ. НА СОИГСИ, ф.ф. д.657, л.87, исп. Цопанова-Бязрова Т., 4.07.2000 г. в с. Стур-Дигора, зап. Сокаева Д., Шанаева Р., диг. д.); женщина молола зерно на мельнице, разделась, спрятала свои вещи где-то в мельнице; сама подскочила к ягням; убивала; съедала; выпивала кровь (Уосæ берæгътæ. НА СОИГСИ, д.657, л.96, исп. Цопанова-Хамикое-

ва А., 4.07.2000 г. в с.Стур-Дигора зап. Сокаева Д., Шанаева Р., диг. д.). Всякое поведение, отклоняющееся от нормы, могло вызвать объяснение, что это — женщина-волчица. Рассказчиками приводятся следующие характеристики: пропадала на неделю; зарезала петуха соседки в туалете; у нее смеющийся взгляд; хитрая колдунья; к знахарям обращалась, приносила порчу; приучила к спиртному другую женщину; лицо в шрамах; крала то отсюда, то оттуда; внешность чем-то отличалась; что-то в белой одежде; дети счастливее других, т.е. происходят сбои, которые, с другой стороны, неизбежны при длительном и органичном существовании какого-либо сюжета в народной культуре. Более того, благодаря таким отклонениям сохраняется архетипическая сюжетная схема. Нетрадиционным поведением женщины-волчицы является также «душение людей» (4 — здесь и далее нумерация текстов, приведенных в конце статьи). Помимо отмеченных, часто встречающихся двух типов быличек, есть текст, в котором женщина-волчица отпугивается ножом (он ставится героем повествования острием вверх себе на грудь) (3) и текст, в котором она ранится ножом (11).

Еще один сюжет о женщинах-волчицах, скорее, констатация исторического факта — это сожжение ведьм в Дигорском ущелье. Записанный нами текст устной прозы — совершенно уникальное свидетельство, во всяком случае, мы еще не нашли подобных свидетельств в других местах Северной и Южной Осетий. Произошло это, видимо, потому, что в Дигорском ущелье существовало на какой-то период времени недопонимание/абсолютное непонимание функции женщины-волчицы (возможно,

выход негативной энергии) в духовной культуре осетин (5), а вред, наносимый ею, был очевидным. Мы можем предположить, что ее образ имел и имеет функцию баланса, уравнивания верхних и нижних сил, так как в осетинской народной культуре вообще не выражена идея несомненного зла, причиняемого нечистой силой. Кроме того, не следует забывать, что образ женщины-волчицы посвящен женскому типу поведения, что может представлять дополнительный интерес с точки зрения психологии. Тексты сказочной прозы о превращении мужчины в волка у осетин встречаются крайне редко, во всяком случае, мы за все время полевых работ не записали ни одного.

Единственным является также текст, в котором женщина-волчица производит действия войлочной плетью, явно сказочным атрибутом (6). Кроме того, она залезает то ли на трубу печки дома, то ли на трубу мельницы (рассказчица путается), но в результате всего вышеописанного женщина превращается в волчицу. Нами найдена волшебная сказка, в которой описаны подобные же действия героини в «волчьей шкуре». Героиня этой сказки вынуждена выйти замуж за отца, так как обувь и наперсток ее умершей матери подходят только ей. В волчьей шкуре и на трубе она попадает в большую реку, на берегу реки ее встречает юноша, они женятся и т.д. (12).

Записаны тексты о превращениях женщины-волчицы в черную кошку, пьющую кровь ребенка. Поясняется, что у нее очень сильный плевок («МД», №1, 1994, исп. Бекузарова Х. (93 г., г.Алагир), 21.05.1993 г. зап. Дзудцев А., №10); что она часто болела, и после каждой ее болезни в селе кто-

нибудь умирал. Она была связана с чертями, и когда заболела, то чью-то душу (лучших) отдавала за свою. После ее смерти в селе умирали только очень старые («МД», №6, 1994, исп. Дзугкоева З. (Владикавказ), в декабре 1992 г. зап. Дзугцев А., №25); о том, что все знали, что такая-то — ус-бирæгъ и боялись ее. Охотники встречали ее в лесу, и охота была неудачной.... «Брат шел, увидел у мельницы одежду. Хотел тронуть, его предупредила женщина «не трогать». Узнал по голосу нашу соседку. Проклинает (женщина-волчица мужчину), он заболевает, знахарь его вылечивает, знахарь указывает причину болезни — женщина-волчица («МД», №6, 1994, исп. Хацаева р. (64 г., с.Синдзикау), в декабре 1992 г. зап. Дзугцев А., № 22).

Обратимся к текстам сюжета 707 АТ, СУС осетинской волшебной сказки, в которых фигурирует «мельница», чтобы выяснить характер нашей героини в контексте уже не только осетинской демонологии, но и других жанров фольклора индоевропейских народов. Итак, в подавляющем большинстве сказочных текстов сюжета 707 АТ, СУС осетинской фольклорной традиции перед своей смертью жена оставляет свой башмак и наперсток, либо только башмак, советуя подобрать жену по этим предметам. Светлоглазая, с потрескавшимися пятками женщина, именно такая, от которой умирающая жена пыталась уберечь мужа, обманом выходит за него замуж. В результате деятельности светлоглазой колдуньи дочери умершей первой жены оказываются в яме, затем на мельнице алдара.

Мельница. Мельница как место, играющее важную роль в судьбе героинь, встречается довольно часто в волшеб-

ной сказке, а именно в сюжете 707 АТ, СУС. В героинях указанного сюжета можно и должно, на наш взгляд, видеть земную ипостась трех чудесных девушек, которые встречаются в разных вариантах в разных сюжетах русской, осетинской, других индоевропейских волшебных сказках и в сказках, попавших под их влияние. Проанализируем два варианта сюжетного типа «Царь Салтан» 707 АТ, СУС⁷ осетинской волшебной сказки, содержание дается в символическом ключе и кратко по тексту:

1. Мельница — чудесная красавица — чудесные дети — чудесная шуба со сторожами — олень — молочное озеро. Живут муж и жена. У них три дочери. Мать умирает, отец женится на другой женщине. Она заставляет мужа погубить своих дочерей. Отец не может противиться воле своей жены и отводит дочерей в дремучий лес, под яблоню, под которой вырывает яму. Девушки падают в яму. От отчаяния они обращаются с молитвой к Богу, и он посылает им железные лопаты и железные копалки. Они прорывают себе путь под землей к мельнице алдара. Вскоре мельники замечают потайной ход и говорят своему алдару, что кто-то крадет муку с мельницы. Алдар их подстерегает, обнаруживает себя, приглашает их к себе в гости и спрашивает, что каждая из них может делать. Старшая оказалась чудесной поварихой, средняя — чудесной портнихой (шьет обувь), а младшая обещает родить алдару златокудрого мальчика и серебрячубую девочку. Алдар женится на младшей сестре, старшую ставит главной поварихой, среднюю — главной ткачихой. Старшие сестры завидуют счастью младшей сестры и в отсутствие алда-

ра заменяют родившихся у младшей сестры чудесных детей на щенят. Их и застаёт алдар по возвращении. Алдар жестоко расправляется со своей женой. Чудесных детей растит собака. Сестры прознают о чудесных детях и решают погубить златокудрого юношу: послать его через уговоры сестры за 1) Сидящей в Медной башне Рыжей девушкой; 2) шубой, которая воротниками поет, рукавами хлопает, полами танцует, на груди у нее — солнце, на спине — луна, ее охраняют горький родник, горькая яблоня, железноклювые вороны, железнопастые волки и железная дверь. Алдар узнает правду, оживляет в молочном озере завернутую до того в бычью шкуру жену и уничтожает сестер жены. (Хозяйка медной башни. НА СОИГСИ, ф.30, п.73, д.15, л.258-284, исп. Тебиева Дзыгыто (54 г., с.Ардон), 7.02.1924 г., г.Беслан, зап. Амбалов Ц., ир.д.)

2. Ласточка — белый камень — имя/оружие — три лани/девушки — желтый конь — яблоня/утка/красавица мира — войлочная плеть. В дремучем лесу живет охотник и охотится. Охотник погибает, оставив жену на сносях. Она рождает мальчика. Ласточка сообщает ей, что ее муж погиб и указывает на место, куда ей надо идти: белый камень, под ним дверь. Там оказывается женщина, с которой они стали воспитывать мальчика. Мальчик вырастает, женщина дарит ему винтовку отца и имя отца — Ахсар. С этого дня Ахсар выходит на землю и начинает охотиться. Как-то раз он ранит одну из трех ланей и идет по следу крови. Находит девушек, они сироты. Ахсар вылечивает младшую раненую сестру и спрашивает сестер об их способностях: старшая оказывается чудесной поварихой, средняя — чудесной портнихой, шьющей обувь, млад-

шая обещает родить алдару мальчика и девочку, до пояса — серебряных, ниже пояса — золотых. Младшая рождает обещанных чудесных детей. Сестры заменяют их щенками и сообщают Ахсару. Ахсар отрубает жене голову. Чудесных детей сажают в бочку и бросают в море. Рыбаки другого алдара вылавливают бочку. Так как этот алдар был бездетным, он берет детей себе. Перед смертью он завещает им, когда его не станет, все состояние погрузить на его желтого коня, отправиться в дорогу и поселиться там, где конь остановится. Так они и поступают. Ахсар вскоре обнаруживает их, и сестры решают погубить племянника. Они посылают его через сестру за 1) яблоней, находящейся между черной и белой горами, ночью она цветет, утром с нее уже падают золотые яблоки; 2) золотой уткой, находящейся между двумя морями, во рту у залига змея, ртом поет, крыльями хлопает, ногами пляшет; 3) красавицей всего мира, башня без дверей которой находится за семью горами, проклиная своих женихов. Юноша выполняет все задания, Ахсар узнает правду, жену оживляет войлочной плетью Красавица всего мира (Охотник Ахсар. НА СОИГСИ, п. 125, д. 267, л. 125–151, зап. Арчинов А., ир.д.).

Мельница является по структуре и семантике сюжета местом, более перспективным для развития действия по сравнению с ямой. Мельница и в волшебной сказке чревата превращением, но в данном случае статусным. По второму сказочному тексту, приведенному для сравнения, видно, что семантически «мельница» маркирует нездоровое состояние девушки/девушек, в первом случае — голод, во втором случае — раненность. Комплиментарность пары

или троицы девушек в осетинском фольклоре проявляется с очевидностью в других сюжетах, в этом же сюжете «зависть старших сестер» становится структурообразующим фактором. Насколько бросается в глаза немотивированность поведения женщины-волчицы бытовыми причинами в текстах осетинской демонологии, настолько же очевидно, что «золушки» осетинской волшебной сказки заботятся лишь о своем физическом выживании. Поэтому главным опорным образом для сравнения этих образов послужил образ мельницы⁸. «Мельница» их связывает как начало новой жизни или как надежда на новую жизнь, новое состояние.

Это логично по развитию сюжета, т.к. обувь, которая подходит умершей жене и ее дочерям, но не подходит светлоглазой колдунье, маркирует известный мотив сюжета 510А «Золушки» западноевропейской сказки. Только эпизод примерки обуви в осетинской волшебной сказке относится к светлоглазой колдунье, косвенно обозначает то, что обувь подходит одной из дочерей умершей жены и программирует ее встречу с алдаром, а в западноевропейской волшебной сказке примерка обуви происходит уже после встречи с принцем (имеется в виду литературная сказка Ш.Перро). В осетинской сказке происходит двухэтапный отбор Золушки: 1. Зеленоглазая колдунья ↔ умершая мать, три ее дочери; 2. Дочери, которые способны на чудесные действия, а не на демонологические действия женщины-волчицы ↔ дочь, способная родить золотокудрых девочку и мальчика. В русской волшебной сказке на сюжет 707 АТ, СУС не фигурирует мельница, зато старшие сестры, пытаясь опоро-

чить свою младшую сестру перед мужем, докладывают ему, что она родила не чудесных детей, а щенят или волчат (как женщина-волчица!). «Мельница», таким образом, амбивалентна по своей потенции превращению разных людей. Трех девушек сказки «Царь Салтан» она повышает в человеческом статусе, а женщине-волчице предоставляет возможность побыть нечеловеком. И, скорее всего, именно женщина-волчица (обозначенная в текстах колдуньей) встречается вдовцу на дороге в сюжете 707 АТ, СУС осетинской волшебной сказки. Происходит замена: дочери-сироты попадают на мельницу, а женщина-волчица попадает как бы с мельницы в семью.

Если сравнить рассмотренные нами жанры разных индоевропейских традиций по отмеченным нами атрибутам, то получим следующую картину:

осетинский демонологический текст

НЭ осетин	море (голубка)+	«сын волка»
ос. демон. текст	мельница	волк
ос. ск. 707	обувь мельница	собака-воспитатель
един. ос. ск. 501А	обувь море	волк
рус. ск. 707	море	дети-волчата (обман)
западноевр. лит. ск. 501А	обувь	

Рассмотренный нами материал взаимопроясняет семантику образов женщины-волчицы осетинской несказочной прозы и героинь сюжетов 707 «Царь Салтан» и 510А «Золушка» из осетинской, русской и западноевропейской волшебной сказки через образ волка, эпизод примерки обуви и образ мельницы как места творения нового порядка. Кроме того, видно на приме-

ре разных жанров фольклора одного народа, в данном случае, осетинского, как складывалась общая смысловая (семантическая) система индоевропейской мифологии.

Тексты

1. Уосæ-берæгъ. Уой ба дзорионцæ, как будто точно это было. Еу лæг гъæди адтæй, Стур-Дигори уордæг адтæй, 'ма æ хъæппæлтæ раласта, разделся, донгон, уоми куройни рæбунтæ, 'ма уæдта дин берæгъ, 'ма фæцæуей е 'рдæмæ. Лæг ка 'й, е 'рцудæй, уæдта хъæппæлтæ уоми нæбалæнцæ, силгоймаг ба, бæгънæгæй, 'ма, дан, гъæумæ куд цæудзæнæн. 'Ма загъта, байзудта, æндæртæ, 'ма, зæгъгæ, миннихатиркæнæ, уæдта ин сæ равардта, æ хъæппæлтæ. (НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.652, инв. №2315, л.44, исп. Нафиев М. (1929 г.р.), 6.07.1999 г. в с.Одола зап. Сокаева Д.).

– Это рассказывают, как будто точно это было. Один мужчина был в лесу, который находился за Стур-Дигорой. Одна старая женщина пришла (в лес[9]), сняла одежду, там мельница чуть дальше, и вдруг волк, и идет к ним. Мужчина подошел ближе и спрятал ее одежду. Женщина вернулась, а одежды там уже нет. Женщина, мол, как же я голой вернусь домой. Она сказала, что узнала его, мол, прости меня, и он вернул ей одежду [10].

2. Ус-бирæгъ. Дзуары-хъæуы уыди-иу. Æхсæв-иу рацыди æмæ иу куыройы йæхи ауагъта æмæ-иу бирæгъ фестади æмæ-иу фыстæ хордта. Йæ фырт æй æрцахста. Йæ дзаумæттæ куыройы куы раласта, уæд лæппутæ йын йæ дзаумæттæ бамбæхстой. Цыппар азы йыл цæуы, куыд амарди афтæ. Хъæдгæроны дæр ахæм уыди. Уымæй

тынгдæр та кæлæнтæ чи кæны — ус-бирæгъ. (НА СОИГСИ, ф.ф., о.1., д.642, инв.№1.921, л.57, исп. Огоев Х.(79 лет), 10.08.92. в с.Барзикау зап. Сокаева Д., Хамицаева А., ир.д.)

– В Дзуарикауе бывало. Ночью выходила, пропускала через мельницу, превращалась в волка и съедала баранов. Сын поймал ее. Когда она сняла вещи на мельнице, парни спрятали ее одежду. Четыре года, как она умерла. В Кадгароне тоже была такая. Сильнее, чем женщина-волчица, порчу никто не наводит.

3. Уосæ-берæгъ. Еу ма гъуддаг уотæ адтæй, е дæр, дан, æцæг адтæй, точно, нæ фидæ æрцæуидæ, 'ма уой дзоридæ, уæдта ма æгас дæр æй зудтонцæ. Лæг уæлæкæмидæрхустæй, уотари, 'хсæвæ, 'ма имæ силгоймаг ба уоми бацудæй. 'Ма 'й базудта, 'ма, зæгъгæ, кард æ реубæл ниввардта лæг ка адтæй, е. 'Ма ибæл æхе ку ниггæлста, уæдта, дан, æ реуи ниххастæй кард ка. Грудь задела, кардæй. 'Ма хъес-хъес гæнгæй ралигъдæй. Сæумæбагъæумæрацудæй, 'ма, зæгъгæ, ци хабар æй, зæгъгæ, 'ма мæнæ, зæгъгæ, Б.сæйгæкæнуу, зæгъгæ, 'ма лæг, ка 'й зудта, е бацудæй, цæсгон ба ин æвдесæн нæ адтæй, æхе ниттухта. Уæхæн хабæрттæ ба кодтонцæ.

– Æнæуый та адæймаг? (Д.С.)

– Мадта.

– Кæлæнтæ кодта? (Д.С.)

– Кодтонцæ, кодтонцæ. 'Ма уæхæн гъудтæгтæ, 'ма уобæл ба æз до сих пор дæр нæ феуæндун, фал фæззæгъунцæ «æцæг адтæй». Уобæл баууæнддзæнæ нурдæр? 'Ма, нæзæрæндтæ дзорионцæ. Этæ æцæги хузæн дзорионцæ, как будто атæ фæйидтонцæ, ну, ка фæйидта, е ба сæ нæ дзоридæ.

– Доны ахæм истытæ ис? Хæйрæджытæ, ус-бирæгъы хуызæттæ? (Д.С.)

– Донибамахмæгъеуæхæнхабæрттæ нæййе. (НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.652, инв. №2315, л.45, исп. Нафиев М. (1929 г.р.), 6.07.1999 г. в с.Одола зап. Сокаева Д.).

– Еще было одно такое дело, и это, говорят, было правдой, наш отец пришел, и он рассказывал, и все остальные тоже об этом знали. Мужчина где-то спал, в пастбищной времянке ночью, и к нему пришла женщина. Он узнал об этом и на грудь свою положил нож. И когда она на него набросилась, грудь задело ножом. И с визгом убежала. Утром он вышел в село, мол, что случилось. (Ему отвечают), Б. заболела. Мужчина зашел, чтобы опознать ее, она же закрылась, узнать ее нельзя было. Вот такое рассказывали.

– А вообще человек?

– А как же?

– Порчу наводила?

– Наводила, наводила. Такие дела, но я до сих пор не верю, но говорят «правда». А ты веришь в это? (Обращение к записывающему текст). Наши старики рассказывают. Они рассказывают это как правду, как будто они видели это своими глазами, но кто видел, тот не рассказывает.

– В воде что-нибудь такое есть? Черти, женщины-оборотни?

– В воде у нас таких существ нет.

4. Уосæ-берæгъ. Уосæ берæгътæ Къуссуй адтæнцæ. Еухатт, дан, еу уосæ æ биццеуи хæццæ æнтауæни адтæнцæ, бæрзонди кæмидæр, дууемæй. 'Ма еци уосæ-берæгъ ба къуссуйаг адтæй, 'ма фæццудæй, 'ма и биццеуи хорхбæл бахуæстæй. Еунæг биццеу ин адтæй, 'ма рамардæй. (НА СОИГСИ, ф.ф., о.1, д.652, инв. №2315, л.41, исп. Тургиева Д.Х.(1929 г.р., с.Стур Дигора),

7.07.1999 в с.Мадзашка зап.Сокаева Д., Таказов Ф.).

– Женщины-волчицы находились в Куссу. Однажды одна женщина с сыном были на сборе сена высоко где-то вдвоем. Эта женщина-волчица была из Куссу, она пошла и стала душить мальчика (задушила). Он был единственный сын и умер.

5. Синдзин арт. Удта, тут такое было. Значит, их стало очень много, этих женщин. Где-то около 5-7. 'Ма надо было как-то выйти из положения. Удта айдагъ етæ нæ, фал си æнæуой, особенно женщины они были. Предатели, мужчины были такие. Ма æрæмбурдсæкодтонцæ, ма сæ предупредит скодтонцæ. Адтæй си ами Совет Старейшин. Хъæбæр, так и толковые люди, уæхæндзурддзæугæ лæгтæ си адтæй. Ма сæ æркæниуонцæ, ма сæ предупредит искæниуонцæ, что нельзя такие вещи делать, сделайте этому конец, иначе у вас будет плохое последствие. Гъема, еци иди кодтонцæ æма, они продолжали все-таки действовать. И Совет Старейшин ка 'й, етæ сæ медæхсæн так договорились: «Ба сæ содзæн. Содзгæ ба синдзин арти». 'Ма дæлæ еци æндзæр ка 'й, дæлæ, гъе уордæмæ, уалдзæг ку райдæдта, ку 'ргъар æй, где-то в мае месяце, гъе уæд уордæмæ ласун байдæдтонцæ, дæлæ уоми ба еугур колючий иди æй, облелихæ. 'Ма мæнæ ай ставдæн æй. Ма е фæтæген, йæдæй дæр тынгдæр судзы, бензинæй. Гъе-мæ уырдаем ласын байддыдтой æмæ йæ, æвæццæгæн, иу æртæ метры скодтой. Огородили, мæнæ айисæ. Гъема, потом фæззæгмæ бахус и. Хъæбæр, гъер ныр тынг бахус сты, зæгъгæ, куы баууæндыдысты, гъе уæдта сразу их поймали. Ра сæ ахæстонцæ. Ма их привели сюда. Адæм дæр ракодтой. Мæнæ ам æрæмбырд сты, уæлæ уоци

уæлбунтæ. Мæнæ айуæнгæ адæмæй байдзаг. Показной иди скодтонцæ. Подобные эти не были. Гъе ма, они думали, что с ними шутят, кенæ ба, кæд нæ тæрсун кæнунцæ, зæгъгæ. Адон, кæуылты бацыдысты, уый фехгæдтой æвваст. Ну, алкæмæн задани уыди. И все. Гъе ма 'йбæл бандзарстонцæ, æма цæфсун байдæдтонцæ, æма хъес-хъес кæнунбайдæдтонцæ. Адæмбасæмæатæ кæсунцæ, вот отсюда. Фондз адтæнцæ æви авд, цо, гъенур сæ ка зонуй. Гъема сæ синдзин арти басыгътой. Уый фæстæ долгое время их уже не стало. Тæрсгæ дæрнæфæккодтонцæ, 'мамака'ндиудта уотæдæр. Гъема сæ басугътонцæ. Гъема нæбалфæззиндтæй. Æрæгиаубабæй какие-то появились. Фал сæ сразу ликвидироват сæ скæниунцæ. Æндæра атæ, ну где-то прошло время около 150–200 лет, ма нæбал адтæнцæ. Ограничит сæ скодтонцæ сæ деятельность, ма нæбал адтæнцæ (НА СОИГСИ, о.1, д.652, инв. №2315, л. 31-32, исп. Кодзасов А. (1929 г.), 8.07.1999 в с. Мадзашка зап. Сокаева Д., Таказов Ф.).

– Тут такое было. Их стало очень много, этих женщин. Где-то около 5–7. И надо было как-то выйти из положения. Не только такие (ведьмы), но и обычные, особенно женщины они были. Предатели, мужчины были такие. Собрали их, предупредили их, что нельзя такие вещи делать, сделайте этому конец, иначе у вас будут плохие последствия. Они (ведьмы — авт.ст.) продолжали действовать, и члены Совета старейшин договорились между собой: «Сожжем на костре из колючек». И вон в ту низину, вон туда, с наступлением весны, когда потеплело, где-то в мае месяце, в это место начали везти всю колючку, облепиху. Вот такой толщины.

И керосин горит лучше бензина. И вот туда начали везти и, наверно, где-то три метра соорудили. Огородили вот такое пространство. И потом к осени она засохла. И когда они были уверены в том, что колючка совсем высохла, (женщин — авт.ст.) сразу поймали. Поймали их. Привели их сюда. И людей привели. Вот здесь собрались, вон на том возвышении. Вот до сих пор собрались люди. Устроили показной (процесс — авт. ст.). Подобного этому никогда не было. Они (женщины-ведьмы — авт. ст.) думали, что с ними шутят или пугают их. (Устроители — авт. ст.) закрыли вход, через который они вошли, накрепко. У каждого было задание. Их подожгли, они загорелись, начали кричать. А люди на них смотрят вот отсюда. Пятеро их было или семеро, кто сейчас знает? Их сожгли на костре из колючек. После этого на долгое время их уже не стало. Даже не боялись, кто еще мог так посметь. Сожгли их. После этого (ведьмы — авт.ст.) не появлялись. Позже какие-то появились. Но их сразу ликвидировали. А этих и спустя 150–200 лет не было. Ограничили их деятельность, и их не стало.

б. Ус-бирæгъ. Ус-бирæгъ гъер и, ам ныртæккæ ничи уал и, ныр ма кæм и ус-бирæгъ. Хъуыстон. Мæнæ дзы ай хицауы 'фсымæр иу усы цæвгæ дæр ма ныккодта, сæ фыстæм сын бирæгъы хуызæн багæпп кодта, фыстæм æмæ йæ уый топпæйныццавта æви хъамайæ, цæмæй дæр æй ныццавта... Куыд нæ рахъæр, фæхуыссыди ус, æмæ уæд загътой, чи йæ ныццавта, уый йæм æрбацауæд, уæдмæ не сдзæбæх уыдзæн, 'мæ йæм 'вæццæгæн бацыди, нæ йæм куымдта, дам, нæ йæм куымдта, стæй йæм уæддæр бацыд, уæртæ Р. фыды мад.

– Ёнæуый та дзæбæх съл, нæ? (Д.С.)

– Дзæбæх ус уыди, дзæбæх стыртæ ус уыди, æз дæр ай зонын, æмæ йæ уый диссагæн дзырдтой, адоны сис сæрты багæпп кодта, мæ куыд багæпп кодта, афтæ йæ лæг ныццафта, гъер ма куыдæй ацыд, уый нæ зонын, уый Х. хорз зондзæни, Дз. иу æй дзырдта ам, афтæмæй зонын. Ус-бирæгъ, дам, йæд акæны, сысты æхсæв йæ хуыссæнæй, 'мæ нымæтын æхсæй куыд акæны, уый нæ зонын, уæд сæ фæцæф кæны, мæ трубайыл сгæпп ласы, хæдзары, гъер, пец нæй, уæлæ ахæм, пец, 'мæ, дам, ууылты, дам, сбырыд, 'мæ уже ус-бирæгъ уыд, 'мæ иу ацыди цуаны, истытæ-иу, фыстæ..., стæй та æрцу, 'мæ дзæбæхæй дæ хуыссæны схуысс усæй, куыройы нучъы, дам, ауади, трубайыл куы сбырыди, уæд куыройы, махмæ ирон куырайттæ и, æмæ йæм дон кæлы маенæ ахæм йæдыл, 'мæ ууылты, дам, сбырыди, афтæтæ-иу дзырдтой зæронд адæм, æз ын ницы зонын. Маенæ нæ сыхæгты усæй дæр иу загътой, гъер мæ йæ тæригъæд нæ хъæуы. (НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.645, инв. №955, л.4, исп. Бадтиева Ф., 20.08.94 г. в с. Даргавс зап. Сокаева Д., Хамицаева А., ир.д.).

Женщина-волчица есть, здесь сейчас никаких (таких — авт.ст.) нет, где еще есть женщина-волчица? Слышала. Вот ее свекра брат даже ударил одну такую женщину, она подскочила к их баранам в виде волка, к баранам, и он ее винтовкой или кинжалом ударил, чем-то ударил... Как не узнали? Женщина заболела, и тогда сказали, пусть тот, кто ее ударил, к ней придет, иначе она не выздоровеет. Наверное, он к ней пришел, он не хотел, говорят, не хотел, потом все равно зашел. Вон мать отца Р.

– Вообще, хорошая женщина? (авт. ст.)

– Хорошая женщина была, крупная такая, и я ее знаю, и это рассказывали как удивительную историю. Она прыгнула через их забор и, когда прыгала, мужчина ее ударил. Как она от него убежала — не знаю, это Х. будет хорошо знать, Д. про это рассказывал здесь, я от него знаю. Женщина-волчица, мол, делает так: встает ночью с постели, производит какие-то действия войлочной плетью, не знаю, ударяет ею, забирается по трубе, в доме же есть печка, вон такая печка, и вон так залезла и уже превратилась в женщину-волчицу. Отправлялась на охоту на кого-нибудь, на баранов..., затем возвращалась и спокойно ложилась женщиной в постель. Пролезала через желоб мельницы, забиралась на трубу, на мельнице, у нас осетинские мельницы, и вода к ней подтекает по вот такому предмету, и вот по ней залезла, так рассказывали старые люди, я сама ничего не знаю. Вот про нашу соседку говорили, не хочу грех брать на душу.

7. Ус-бирæгъ.

Земри:—Гъер, уымæйдæрафтæдзырдтой. Фыстæ, йæдтæ, дам-иу, атыдтытæ кодтой... Уый та, дам, æхсæвыгон уыди... Фæлæ уый дæр æгас нал у. Куыройы нучъы, йæдты, дам, абырыди. Гъер æй райдианæй куы нæ зонай, æнæуый йæ хъусгæ фæкодтон.

– Хъæуы дæснътæ ис? (Д.С.)

– Ам никæй зонын.

Маенæн мæ сыхаг уыди. 'Мæ иу хатт бавдæлди, 'мæ мын цы бакуыста, 'мæ уасæг мын æрцахста... Мæ бавдæлди, 'мæ йæ æргæвдгæ дæр кæм акодтаид... туалеты.

– Мæ хæдзар (кто-то). 'Мæ йын æй чи аргæвста?

– Йæхæдæг. 'Мæ мын уый фæстæ афтæ зæгъы, мæнæ, дам, в общем, мæ уасæг агурын, 'мæ йæ фæрсын, Ф., зæгъын, иу уасæг мæм уыди, 'мæ мын æй нæ федтай, дæ кæрчытимæ. Нæ, зæгъгæ, загъта. Нæ, нæ йæ федтон, зæгъгæ, загъта. Куыднæ, зæгъын. Мæнæ мын, зæгъын, Б. афтæ куы загъта, дæ уасæг амæ и. 'Мæ мын уый фæстæ афтæ зæгъы, мæнæ йæ матациклет амардта, 'мæ йæ æрбахастон нæхимæ. Уый та йæ туалеты аргæвста. Ныр мæ чидæр, дæ разы йæд чи у, З., А.З. мын афтæ зæгъы: «Рац ма, дам, туалетмæ, дам, ма бацу». Туалетмæ бацыдтæн, 'мæ тугæйдзæгтæ иууылдæр. Æз ууыл нæ баууæндыдтæн, туалеты аргæвста уасæг, уой. Мæ мын З. афтæ зæгъы, дæхи, дам, дзы хъахъхъæ, исты фыдбылыз, дам, дын скæндзæн. Нал мæ, зæгъын, хъæуы уасæг, нал æм сдзурдзынæн. Уый фæстæ йæ ссыгъдæг кодта æмæ йæ сфыхта, бахордта йæ. Мæ, зæгъын, Ф., мæ уасæг, зæгъын, хорз дзидза радта?

– Йæ, — афтæ бакодта.

Куыд нæ, зæгъын, чи федта, уый мын, зæгъгæ, куы загъта, туалеты йæ аргæвстай æмæ йæ бахордтай, уый фæстæ дæр, нæ-æ, мæ мæрдтыстæн, зæгъгæ-иу, загъта.

Æнæуый йæд уыди, афтæ худгæйæ иу касти, хин, кæлæнгæнæг.

– Куыд иу кодта кæлæн? (Д.С.)

– Гъер æй адæймаг куы нæ зона... Кæлæнгæнæгкæлæнуыйтыххæйкæны, æмæ йæ базоной?

– Адæм æм цыдысты?

– Цæугæ-иу нæ кодтой, фæлæ иу гъер искуыдæм ацыди, 'мæ-иу къуыригæйттæ фесæфти, уый тыххæй йæ ус-бирæгъ хуыдтой, дæснытæм йæдтæм дæр-иу цыди, алкæдæм дæр,

'мæ-иу хаста кæлæнтæ, 'мæ-иу гъер æз Замирæтмæ мæсты куы уаин, 'мæ йын сæ кæмдæриддæр бакалдтаид, 'мæ-иу алчидæр хыл кодта, 'мæ-иу æй ничи уагъта йæ хæдзармæ, кæлæнгæнæг нæ уыди, ус-бирæгъ. Ус-бирæгъ, урс нæ, фæлæ, ус.

Замирæт: — Вообщем, уый чи уа, уый кæлæнтæдæркæны, гъермæнæ Б.Э. дæр дзырдтой. Куы-иуын æй радзырдтой мæ мадæн, уæд-иудзы йæ мæрдтыудхæссæг уыдта. Зыдтам, мæнæ уый кæны. Темы-сойы ус мæхъæлон нæ уыди?... 'Мæ йын ахæм дзæбæх мæхъæлон ус уыди, нозтыл æй бафтын кодта. // [11].

Æрыдоны дæр уыди, Т. иу усæй иу дзырдтой, ус-бирæгъ, дам, уыди... Цъæрæмыштытæ-иу уыди йæ цæсгом. Райсомæй-иу рацыди, уæд-иу афтæ цъæрæмыштытæ. 'Мæ, дам-иу æй нæмгæ дæр фæкодтой, стæй, дам-иу æй куыдзтæ ссардтой, 'мæ-иу æй ныттыдтой. Æз æй мæхæдæг дæр федтон, мæнæ афтæ тындтытæ... Бонæй та мæнæ адæймаг, æхсæвы та...

– Кæд алы 'хсæв нæ цыди? (реплика со стороны)

Земри: — Мæйдар æхсæв, куы-иу æрталынг и, уæд-иу ацыди цуаны. Мæ кæцæй цы радавтаид, кæцæй цы. (Богова-Мулдзаева Земфира Николаевна (род. в Грузии), летом 1996 г. в с. Ногкау зап. Сокаева Д.В., Букулова-Зембатова Замира Моисеевна (род. в с. Ардон), летом 1996 г. в с. Ногкау зап. Сокаева Д.В.)

Земри: — Вот о ней тоже говорили. Баранов и другую живность, мол, ела... Это происходило, мол, ночью... Она уже умерла, она пролезала в желоб мельницы. Когда (точно — авт. ст.) не знаешь, а только слышал.

– Есть в селе знахари? (авт. ст.)

– Здесь никого не знаю. Моя соседка была. Один раз она мне такое сделала, поймала моего петуха. Зарезала его. И где зарезала? В туалете.

– Вот это да! Кто его зарезал? (кто-то спрашивает).

– Сама. Потом она мне говорит. В общем, ищу своего петуха, мол, Ф., у меня был петух, не видела ли ты его с твоими курицами? Нет, говорит, не видела, говорит. Как нет, говорю, Б. мне сказала, что он у тебя. Потом, говорит, мол, его задавил мотоцикл, и я его принесла домой. А сама в туалете его зарезала. Кто-то, вон З., мне говорит: «Иди-ка, мол, в туалет». Зашла в туалет, он весь в крови, и тогда я поверила, что она зарезала его в туалете. З. мне говорит, мол, остерегайся ее, она может тебе навредить. После этого она его ощипала, сварила и съела. Я ее спрашиваю: «Ф., много мяса было в моем петухе?»

– Как? — говорит.

– Как нет, говорю, тебя видели, как ты его в туалете зарезала и съела. И после этого, нет, клянусь, говорит, моими умершими.

Вообще взгляду нее был смеющийся, хитрая колдунья.

– Как она наводила порчу? (авт.ст.)

– Когда человек не знает... Разве колдунья наводит порчу, чтобы кто-нибудь узнал?

– Люди к ней шли? (авт.ст.)

– Люди к ней не шли, но она куда-то уходила и пропадала на недели, поэтому ее считали женщиной-волчицей. Она и к знахарям обращалась и приносила порчу, и вот, например, я бы разозлилась на Замиру, она бы бросила их (атрибуты магии — авт.ст.) куда-нибудь, и

получилась ссора, никто не пускал ее в дом, она была не колдуньей, (а) женщиной-волчицей. Женщина-волчица, не белая, а волчица.

Замират: — Вообще, кто такой является, та и порчу наводит, вот про Б.Э. тоже говорили. Когда это рассказали моей матери, она прокляла ее умерших. Знали, что она делает. Жена Т. была ингушка? Такая хорошая была у него жена-ингушка, она приучила ее к спиртному. И в Ардоне была, про одну Т. говорили, мол, она женщина-волчица... Она была в шрамах. Ее лицо. Утром выходила, и в шрамах. Говорят, ее даже били, и потом ее находили собаки, терзали, я сама ее видела в таком виде. Днем — человек, а ночью — ...

Может не каждый день ходила? (реплика со стороны).

Земри: — В ночь полнолуния, когда темнело, она уходила на охоту. И крала то отсюда, то оттуда.

8. Радзурдта ма мин уосæ берæгъи хабар дæр. Хонхи Къамати, дан, нæ рази цардæй еу уосæ, Б. Б., ма адтæй гъæуон берæгъ. Рацæуидæ, æ хъæппæлтæ раласидæ, æхе зменси равдолидæ, ма берæгъ фестидæ. Адæми фонс: уæсæй, фусæй ниццæгъдидæ, сæ хорхи син тог рауадзидæ, фал си хуæргæ ба нечи бакæнидæ. Уæдта бабæй æрцæуидæ æма бабæй уосæ фестидæ. Уотæ кодта рæстæгæй рæстæгмæ. (НА СОИГСИ, оп.1, д.646, инв.№1.956, л.14-15, исп. Секинаева С., зап. ст-ка 1 курса фак. осет. фил. и журн., 1993-1994 уч. г. Секинаева М.)

– Рассказала мне также и о женщине-волчице. В горном Камате, говорит, около нас жила одна женщина, Б. Б. и была она женщиной-волчицей. Выхо-

дила, снимала одежду, вываливалась в песке и превращалась в волчицу. Скотину людей — телят и баранов — загрызала, пускала из шеи кровь, но не съедала. Затем возвращалась и превращалась в женщину. Так она делала время от времени.

9. Кæлæнгæнæг ус уыд иу хъæуы. Уыдис ын уарзон. Уый иу бон куыроймæ ацыд. Йæ уарзон æм хъæдæй каст. Фиййау та йæ фос хуссæртты хызта. Кæлæнгæнæг ус фиййаумæ мæсты уыд æмæ куыройы йæ дзаумæттæ раласта, йæхибирæгъ фестын кодта æмæ фосмæ смидæг, æмæ сæ цæгъды. Лæппута йæм уырдыгæй кæсы. Фиййау хъæр кæны. Иу дзæвгар дзы куы ныццагъта, уæд куыройы 'рдæм ралыгъд. Хуыдымы фæмидæг æмæ куыроймæ сгæпп кодта. Йæуарзонралыгъд, уартæбирæгъ æмæ йæ амарон, кæннот та йæ уарзонæн фæтарст. Куыройы дуар куы фегом кодта, уæд æй йæ дзаумæттæ кæнгæ федта. Лæг æй базыдта, кæлæнгæнæг кæй у, уый. Батутæ йыл кодта æмæ рацыд. Афтамæй йæ хъæу дæр базыдтой. Уæд та кæй фос цагъта, уый йæ фыстæн райсомæй хос ракалдта. Ацы ус та хуы фестад æмæ нæ уадзы фысты хæрын. Хицау æй базыдта ацы кæлæнгæнæг йæхи хуы кæй фестын кодта, уый æмæ йæ нæмын райдыдта. Хуы кæдæм алыгъдаид, уый нал ардта. Иу ран смидæг ис æмæ уым ус фестад. Афтамæй цъæхтæй сæхимæ бацыд. (Иу 50 азы йыл цæуы) (НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.646, инв.1.956, л.22, исп. Газзаев И.(65 лет), 12.12.1993 г. зап. ст-ка 1 курса фак. осет. фил. и журн., 1993-1994 уч.г. Газзаева).

– В нашем селе была колдунья. У нее был любовник. Однажды она пошла на мельницу.

Любовник наблюдал за ней из леса. Пастух пас свой скот на южной стороне. Колдунья была зла на пастуха, разделась на мельнице, превратилась в волчицу, водворилась в стадо и стала резать скот. Любовник наблюдает. Пастух кричит. Когда она зарезала много скотины, то побежала в сторону мельницы. Прыгнула в запруду и залезла на мельницу. Любовник выбежал, мол, убью волка или испугался за нее. Открыв дверь мельницы, увидел ее одевающуюся. Мужчина понял, что она колдунья. Плюнул на нее и вышел. Так село узнало (об этом — авт.ст.). А тот, чье стадо она уничтожала, вывалил утром сено для своих баранов. Эта женщина превратилась в свинью и не дает баранам есть. Хозяин понял, что это колдунья превратилась в свинью, и стал бить ее. Свинья уже не знала, куда бежать. Забежала в одно место и превратилась в женщину. Домой пришла в синяках (Это было лет 50 назад).

10. Пекарня уыди ам. Колхозæн дзул кодтой, мæнæ ам дзул кодтой, æмæ йæм иу, пекæрæй дзы чи куыста, уыцы сылгоймаг уыди сидзæргæс, æртæ сывæллоны йын баззади, æмæ йæ цæгаты цард, Ф. Æмæ-иу æм Т. ссыди уыцы афон, кæннот иунæгæй нæ уæндыди цæуын сæхимæ. Æмæ иу хатт 'ссыди, 'мæ йын æвæццæгæн дзултæ ратта, 'мæ-иу фæцæйцыд, Т. чи у, уый. 'Мæ уæртæ хидмæ куы бахæццæ, уæд, дам, уым цыдæр лæууыди, цыдæр, урс дзаумæтты, æмæ, дам, мæн куы федта, уæд, дам, доны уыцы иу гæпп нылласти, æмæ доны хъæр, йæ къæхты хъæр дæлæмæ дун-дун ацыди. Ф. иу дзырдта, мах Ф. Æмæ ам иу усæй иу афтæ дзырдтой, ус-бирæгъ у. Æхсæв, дам,

рацæуы æмæ, дам, афтæ хъахъхъæны адæмы // Цæмæн фæлæууы, нæ йæ зонын. (исп. Тытырмазова, в с.Гизель зап. Сокаева Д., Газданова В., Джанаева О., Личный архив). (Это прошлое, ненужное. Уыйбæрц талынг уыдысты адæм, уыйбæрц — коммент. Алдатов К.).

– Здесь была пекарня. Делали для колхоза хлеб, вот здесь делали хлеб. И та, которая работала там пекарем, была вдовой с тремя детьми на руках, жила у родителей, Ф. Встречать ее ходил Т. вечером, а то она боялась одна возвращаться домой. И как-то раз он пошел ее встречать и, наверно, дала ему хлеб и он возвращался. Т., дойдя до моста, он говорит, мол, там что-то стояло в белой одежде и, мол, увидев меня, прыгнуло в воду и еще слышались звуки его шагов вниз по речке. Ф. говорила, наша Ф. Здесь об одной женщине говорили, что она женщина-волчица. Мол, ночью выходит и вот так подстерегает людей. Зачем подстерегает, не знаю. (Это прошлое, ненужное. Вот такие темные были люди, такие темные — коммент. Алдатов К.).

11. Ус-бирæгъ.

Уый уыди. Ус-бирæгъ обязательно и. Уымæй æз гъер дæр тæрсгæ кæнын. Мæнæ нæ сыхæгты усус-бирæгъ уыдис. 'Мæ мæнæ М. (муж рассказчицы) фыды фосмæ 'рбагæпп ласта, бонхæрæнты, нæ? 'Мæ М. фыд рацыдис, 'мæ йын хъамайæ ныцъцъыкк ласта, 'мæ йын ам, æрæджы //, уый фæстæ адæймаг куы фестад, уæддæр ын ам кард уыди, иу цасдæр фæцарди, уый махæн нæхи хъæуы уыди, иу æртæ ус-бирæгъы. Гъер куыд кæнынц, уый дын зæгъон? Гъер мæнæ ног бонтæ куы 'рцæуынц, новый год, нæ, уæд мæнæ хæйрæджыты 'хсæв дзы нæй, æмæ уыдон ацæуынц,

'мæ махмæ хohaг куырæйттæ ис //... Хохаг куырæйттæ, афтæ фыдæй зилы, æмæ уом, афтæ, искуы уæ акодтаин... Гъемæ уæд æртыццæг æхсæв ацæуынц хæйрæджыты æхсæвы æмæ куыройы нучъы ауайынц, æмæ уым ус-бирæгъ фестынц, 'мæ 'руайынц иннæуылты, 'мæ уæд зилын байдайы ус-бирæгъ. Бирæгъы хуызæн вæййы, фæлæ йæ ус-бирæгъ хонынц. 'Мæ афтæ, 'мæ гъер может æмæ хæрам кæмæ уа, уыдон фос ныццæгъддзæни, может ын æнцон багæпп кæнæн кæдæм уа, уырдаем ныгæпп кæндзæн, 'мæ гъер йæ фыдмæ æрбагæппласта сæ сыхæгты ус, æмæ йæ хъамайæ ныцъцъыкк ласта, мæ йын гъер, мæнæ æрæджы дæр ма, куы амарди, уæддæр ын ам-иу бирæ фæцарди, 'мæ куы сдзæбæх и, цæмæй рынчын уыди, чем докажешь, нæ йæ дзырдтой, 'мæ йын ам гъер дæр ма, куы амард, уæд ын нос уыди. Уыдон æцæг уыдысты. Уый фæстæ ацу, 'мæ фæстæмæ куыройы нучъы ауай, 'мæ адæймаг рауайдзынæ, гъемæ уæд иу ус-бирæгъ ахæм уыд, уыдон дæр мæнæ ам цардысты, ам царди, нæ, 'мæ дæлæ хъæуы быны гъер Х. кæй хонут, уыдон уæлæ, хидæй куы 'рбауадыстут, самый крайний дом, мæнæ афтæрдыгæй, доныл не 'рбауадыстут фæлæ, уыдоны лæг æхсæвгæс уыди (Б. уыдысты)... æмæуыдонæн сæусчиу, уый ус-бирæгъ уыдис, æмæ //, мæнæ ацы ус, æмæ уыдон фосджын хæдзар уыдысты, 'мæ сын æдтейы ронг хæрæнтæ уыдысты, æмæ сындзытыл багæпп ласта, æмæ сын сæ фыстæ бахордта, ну ахæстытæ сын кодта æмæ сæ амардта, уæд ацы лæг, æхсæвгæс сын чи уыди, чи сæ хъахъхъæдта, уый, йæдыл куы сгæпп кодта, сисы сæрты, уæд сындзæй æхгæд нæ уыди, 'мæ йæ бон 'сгæпп кæнын нал

уыд, æмæ йæ ай фæстейы йæ синтæ ныххоста, æмæ иу цасдæр фæсадис, о, æмæ агуырдта уыцы лæджы, чи йæ фæнадта, уыцы лæджы агуырдта, уый, дам, мæм æрбакæнут, æмæ уый куы 'рбакодтаиккой, уæд ын ахæм ту и, ныр ай уже ус фестадид фæстæмæ, ацыдис æмæ, æмæ ахæм/кæлæнгæнаг/æмæ сæ хæдзары цæджындз уыди, 'мæгъеруый куы 'рбацыдаид, уæд уыцы лæгыл куы бату кодтаид, уæд цавддур фестадид, иннæрдæм, ну, фестадид, æмæ, дам, æрбацыдис æм æмæ цæджындз аууон 'слæууыдис æмæ бату йыл кодта, нæ, 'мæ цæджындзыл ауади йæ ту æмæ иннæрдæм фæхуынкъ ис, ахæм йæд сын уыдис... уыдис кæлæнгæнæг, афтæ куырисмæдзæуæг иу æй хуыдтой, ус-бирæгъ, афтæ... (НА СОИГСИ, ф.ф., оп.1, д.645, инв. №955, л.4, исп. Кудзиева Ж., 20.08.94 г. в с. Даргавс зап. Сокаева Д., Албегова З., Хамицаева А., ир.д.).

– Это было. Женщина-волчица обязательно есть. Я ее и по сей день боюсь. Наша соседка была женщиной-волчицей. И вот она подскочила к скотине моего свекра (отца М.) бонхæрæнты. Отец М. вышел и ударил ее кинжалом, и вот здесь какое-то //, после того, как она превратилась, у нее вот здесь была рана, какое-то время там болело. Это было в нашем селе, три женщины-волчицы. Знаешь, как они поступают? Я тебе расскажу. Когда наступают новые дни, Новый год, есть же праздник чертей, так вот они (женщины-волчицы — авт.ст.) уходят, а у нас есть горные мельницы... Горные мельницы, так крутятся жернов, и там, я бы вас отвела... И вот в ночь на среду уходят, в ночь чертей, проходят по желобу мельницы и превращаются таким образом в женщину-волчицу. И выбегают с другой стороны

и начинает женщина-волчица искать. Она бывает похожа на волка. Но ее называют женщина-волчица. И если она на кого-нибудь в обиде, то погубит его скотину или прыгнет туда, куда легко проникнуть, и вот к свекру моему подскочила женщина-волчица, он ударил ее кинжалом, и до самой ее смерти (она недавно умерла), она же долго болела, и когда она выздоровела, а чем болела, чем докажешь, не говорили об этом. И до смерти у нее был шрам. Это правда все было. После этого обратно пройди по желобу мельницы и превратишься в человека. И вот одна женщина-волчица была такой, они тоже вот здесь жили, здесь жила, и вон там, в конце села, тот, кого вы называли Х., над ними, если пройдешь по мосту, самый крайний дом, вот с той стороны, правда, вы не по речке шли. Их мужчина был ночным сторожем (они были Б.), так их невестка была женщиной-волчицей, а другие были богаты скотиной, она (скотина — авт.ст.) находилась на улице ронгхæрæны, (женщина-волчица — авт.ст.) перепрыгнула через изгородь из колючек и съела их баранов, покусала их и убила. Тогда этот мужчина, который был их ночным сторожем, который их охранял, когда она пыталась перепрыгнуть через изгородь, она же была из колючек и (женщина-волчица — авт.ст.) не смогла перепрыгнуть, и он сзади побил ее по спине. Какое-то время она болела и искала этого мужчину. Того, кто побил ее, этого мужчину искала, чтобы его к ней привели. И если бы его привели, то у нее такой плевок (а она уже превратилась в женщину, убежала и такой стала (колдуньей — авт.ст.), что у них дома был столб, и если бы мужчина пришел, и она бы

плюнула на этого мужчину, то он бы окаменел, умер бы. Он пришел и стал за столб, она плюнула на него, плевок попал в столб и продырявил его, вот такой был (плевок — авт.ст.), колдунья была, «идущая за снопом», женщина-волчица.

12. Ус æмæ лæг (аргъау).

Цардысты раджы ус æмæ лæг. Уыдонæн уыдис иунæг чызг. Ус фæрынчын и æмæ æрбадзырдта йæ лæгмæ æмæ йæм радта йæ дзабыр æмæ æнгуырстуан æмæ йынны фæдзæхста:

– Хъусыс, ацы дзабыр æмæ æнгуырстуан кæмæн бæззой, уымæй æндæр-иумакаей ракур, æз куы амæлон, уæд.

Ус амарди, æмæ лæг ус курыныл ныллæуыдис. Усы дзабыр рахæсс-бахæсс кæны, фæлæ дзабыр никæмæн бæззы. Сæхимæ куы 'рцыди, уæд æй йæ чызджы къахыл акодта, æмæ йын разынди йæ тæккæ аккаг. Уæд ын лæг афтæ зæгъы:

– Цæй, æмæ дæ мæхицæн ус скæнон.

Чызг дисæй амарди:

– Уый та куыд, искуы ма чызг йæ фыдмæ смой кодта?!

Уый адыл та лæг йæ дзабыр рахæсс-бахæсс кæнын байдыдта. Куы йæ иуы къахыл акæны, куы та иннæйы къахыл, фæлæ нæй, дзабыр никæмæн бæззы. Фæстагмæ та йæ йæ хæдзармæ 'рхаста æмæ та йæ йæ чызджы къахыл акодта æмæ та — йæ аккаг. Бадзырдта та йæм фыд:

– Цæй æмæ дæ мæхицæн ус скæнон.

Уæд ын чызг загъта:

– Уæдæ мæ кæд нал уадзыс, уæд дын æз цы зæгъон, уый бакæн æмæ дын гъе уæд бакомдзынæн.

Хорз, зæгъгæ, йын лæг загъта.

Чызг ын загъта:

– Уæдæ ахæм хæдзæрттæ сараз, æмæ авд æддæгуæлæйы чи уа, стæй дзы уæд ахæм æмбæхсæнтæ — марынмæ дæм исчи куы 'рбацæуа, уæд дæ кæм бамбæхсон.

Лæг сарæзта хорз хæдзæрттæ æмæ дзы астæуæй суагъта стыр хъæдын труба. Чызг дæр йæ фыдæн бакуымдта æмæ уыцы ран цæрын байдыдтой. Фæцардысты бирæ.

Иубон куы уыди, уæд лæг кæдæмдæр ацыд, æмæ чызг йæхи бирæгъы цармы стыхта æмæ уыцы трубайы 'сбырыди. Лæг сæхимæ куы 'рцыди, уæд хæдзары къуымты разил-базил кæны, чызджы агур, фæлæ нæй, чызг никуыуал ис. Æрдиаг кæны, уæдæ ма ныр цы кæнон, кæм æй агурон, зæгъгæ.

Иубон куы уыди, уæд лæг фирмæстæй йæ хæдзæрттæ æгасæй дæр фурдмæ афæлдæхта. Ныуагъта ма дзы æрмæст иунæг труба. Уæддæр куы нæ ссардта чызджы, уæд труба дæр афæлдæхта. Бирæ фæлæуыди лæг фурды был сагъæсгæнгæ, стæй уæд фæстæмæ йæ фыццаг мæгуыр хæдзармæ сыздæхти.

Чызг дæр бирæгъы цармы тыхтæй рабырыди доны астæуæй æмæ хъæды 'рдæм йæхи сарæзта. Фæндагыл йыл иу лæппу амбæлди æмæ йыл цинæй амарди, мæнæ мын ахуыр бирæгъ, зæгъгæ. Сæхимæ йæ æркодта æмæ йæ бакодта сыгъзæринæй конд уатмæ. Уыцы лæппуйæн уыдис авд хойы. Уыдон алы изæр дæр цыдысты фурдмæ сæхи найынмæ. Уыцы чызг дæр та сæ фæдыл рараст, фæлæ та йæ уыдон дæр нæ уагътой семæ цæуын. Цалдæр хатты афтæ куы бакодта чызг, уæд лæппу иу бон загъта:

– Уæдæ æз ацы бон ацы бирæгъы фурдмæ куы нæ акæнон, уæд æй нæ ныуадздзынæн, кæддæра цы кæнид.

Ацыдысты. Куыддæр фурдмæ бахæццæ сты, афтæ чызг йæ бирæгъы царм фелвæста æмæ йæхи доны найын байдыдта. Лæппу бирæгъы цармыл йæхи ныццавта æмæ йæ раскъæфта. Чызг скуыдта æмæ йæм дзуры:

– Æри мын мæ бирæгъдзарм, кæннод дæлæмæ бирæгъдзармы тыхтæй æрцыдтæн, ныр та фæстæмæ чызгæй куыд ‘ссæуон?

Лæппудæрынрадтайæ бирæгъдзарм. Чызг та дзы йæхи æрбатыхта, æмæ рацыдысты иумæ æмæ та сыгъзæрин уатмæ бацыдысты æмæ сæхиуыл дуæрттæ сæхгæдтой.

Уалынмæ сæм авд хойы дуар хойын байдыдтой.

Лæппу сæм радзырдта:

– Нæ бакæндзынæн дуар, цалынмæ, ам мемæ чи ис, уымæ мыл саргъауат, уæдмæ.

Чызджытæ скуыдтой æмæ йæм дзурынц:

– Ау æмæ мах нæ иунæг æфсымæрыл бирæгъимæ аргъауæм?

Лæппу та сæм дзуры:

– Нæй гæнæн, мæхи амардзынæн, уæддæр мын уыцы бирæгъимæ æнæ саргъаугæ нæй.

Чызджытæ ауадысты æмæ уæрдон æрбакодтой. Лæппу дæр дуар бакодта, æмæ чызг сыгъзæрины хуызæнæй уырдыгæй рацыди. Абадын кодтой уæрдоны æмæ сæ аргъуанмæ аластой æмæ съл уым иумæ саргъуыдтой. Чызг æмæ лæппу байдыдтой лæг æмæ усы цард кæнын.

Иу къорд афоны куы рацыд, уæд сын райгуырди сыгъзæрингоцораджын лæппу. Цинæй йыл хастой сæхи мад æмæ фыд. Æрхъæцмæ нæ хъæцыдысты лæппуыл.

Иу афон куы уыди, уæд сæм бафтыди чызгæн йæ фыд. Нæ зыдтой, чи у, цавæр у, уый. Афтæмæй йæ айстой сæхимæ æххуырсты. Цалдæр боны сæм куы ацарди, уæд сæ лæппуйы гоцора ралыг кодта æмæ йæ тугæйдзаг хæрынкæ сæвæрдта сусæгæй сывæллонæн йæ мады дзыппы.

Æрдиаг кæнын систой мад æмæ фыд, нæ лæппуйы сæр нын чидæр ракодта, зæгъгæ. Дискæнынц, чи уыдаид, цæмæн сын бачындауыди ахæм æбуалгъ хъуыддаг?!

Уæд сын æххуырст загъта:

– Цæй уæдæ джигул бакæнæм æмæ тугæйдзаг хæрынкæ кæй дзыппы ‘ссарæм, уый уыдаид, æвæццæгæн, гоцора лыггæнæг æмæ йын йæ цæнгтæ куыд ракæнæм, афтæ.

Рацыдысты æмæ тугæйдзаг хæрынкæ сывæллоны мады дзыппæй систой æмæ йын сæ дзырдмæ гæсгæ йæ цæнгтæ ралыг кодтой, йæхи та йын ахастой быдырмæ æмæ уыцы ран хъилтыл байтыгътой.

Утæхсæн кодта ус быдыры, уалынмæ йæ разы балæууыд иу зæд æмæ йæ фæрсы:

– Цы кодтай, хорз ус, уыцы ми дын чи бакодта?

Уый йын радзырдта йæ хабæрттæ, загъта йын:

– Уыдис мын иу сывæллон, сыгъзæрингоцораджын сывæллон. Мæ фыд мæм бацыди æххуырсты, мæ сывæллоны хурх мын ралыг кодта æмæ мын æй мæхи ‘фсон фæкодта. Уымæ гæсгæ мын бакодтой ацы фыдмитæ.

Зæд ын загъта:

– Уæдæ ныртæккæ æз цæуын æмæ сыгъзæринсуадонрауадздзынæн, æмæ йын куыддæр йæ сæр-сæр фехъусай,

афтæ-иу ауай æмæ сывæллон дæр æмæ дæхицæн дæр айсæрд уыцы донæй лыг рæттæ, æмæ уæд цы уыдыстут, авд ахæмы хуыздæр фестдзыстут уæ дыууæ дæр.

Хорз, зæгъгæ, загъта ус.

Зæдацыди æмæ уайтагъдсыгъзæрин суадоны сæр-сæр ссыди. Ус азгъордта æмæ суадоны донæй айсæрста, йæхицæн дæр æмæ сывæллонæн дæр лыгтæ кæм уыд, уыдон, æмæ, цы уыдысты, уымæй авд хатты хуыздæр фестадысты.

Зæд сæ акодта уырдыгæй æмæ сæ сыгъзæрин галуанмæ бакодта. Усæн загъта:

– Хъусыс, ам цæр дæ сывæллонимæ æмæ абонæй фæстæмæ дзæгъæлцæуæг дæхимæ мауал уадз.

Бирæ фæцарди ус уыцы хæдзары. Иу хатт куы уыди, уæд æм дыууæ лæджы дуарбахостой. Ус сæм ракасти. Лæгтæй иу уыди йæ фыд, йæ сывæллоны хурхын чи ралыг кодта, уый. Цыма йæ фыды нæ базыдта, йæхи афтæ фæкодта æмæ сæ хæдзармæ бакодта.

Фæсæхсæвæрсæ акодта хуыссынмæ: уазæджы йæхи уатмæ, йæ фыды та — цæхæрадонмæ. Уый та ахæм цæхæрадон уыди, æмæ алы 'ртывд кодта алыхуызон дыргъ æмæ дидинагæй, стæй дзы уыди ахæм кæлмытæ, æмæ-иу лæджы æнæхъæнæй аныхъуырдытой. Уыдис дзы ноджы сæнæфсиры бæлæстæ, фырзадæй æлæмы хуызæн зæу-зæу чи кодта.

Йæ фыды цæхæрадонмæ куы бакодта, уæд ын ныффæдзæхста:

– Хъусыс, мæ сæнæфсирæй иу дæр куы фæхъæуа, уæд дæ ацы кæлмытæн бахæрын кæндзынæн.

Лæг ын загъта:

– Æмæ æз сæнæфсир хæргæ дæр куы нæ кæнын. Мæнæй сын ма тæрс, — йæхæдæг уыцы ран 'схуыссыди.

Куы бафынæй, уæд æм йæ чызг рацыди, йæхæрынкъа сæнæфсиры донæй сахуырста æмæ йæ лæджы дзыппы сæвæрдта. Райсомæй куы сыстад, уæд рацыди цæхæрадонмæ æмæ йæхи сæнæфсиртæ нымайæг скодта æмæ лæгæн загъта:

– Мæ сæнæфсирæй куы хъæуы, уæд цы хабар у?

Лæг загъта:

– Нæ зонын, æз ницы æртыдтон.

Ус ын загъта:

– Цæй уæдæ баджигул кæнæм, æмæ, сæнæфсирæй дзаг хæрынкъа кæй дзыппы разына, сæнæфсиртæ уый æртыдтаидæмæ йæ хъуамæ кæлмытæн бахæрын кæнон.

Ус фенын кодта фыццаг йæхи дзыпп æмæ дзы, кæй зæгъын æй хъæуы, ницы разынди. Федтой лæджы дзыпп, æмæ сæнæфсиртæй дзаг хæрынкъа уырдыгæй сластой.

Лæг хорзау нал фæци æмæ дисгæнгæйæ дзырдта:

– Ау, æмæмæдзыппмæ кæцæй æрцыд сæнæфсирæй дзаг хæрынкъа? Æппын мæ сæрæн куы ницы зонын.

Уæд ын ус загъта:

– Ды ацы сæнæфсирæй куыд нæ бахордтай, æз дæр уæдæ мæ сывæллоны хурх афтæ нæ ралыг кодтон. Фæлæ ды бакодтай æбуалгъ хъуыддаг, æмæ дæу сæраппонд æз стыр хъызæмæртты бафтыдтæн. Кæцы мад дæр ма йæ сывæллоны хурх æргæвды?!

Æмæ йæ уым кæлмытæн бахæрын кодта. Уымæ та фæстæмæ йæ лæг бацыд, æмæ ныр дæр ма цæрынц царды дзæбæхæй. Уыдон æрцыд мæсымах дæр хорзæй цæрут. (НА СОИГСИ, ф.19 (Алборов Б.А.), оп.1, д.204, л.3-5, в Алагир-

ском ущелье, Туалгоме, зап. Алборов Б., ир.д.).

– Жена и муж (сказка).

Жили-были жена и муж. У них была единственная дочь. Жена заболела и позвала своего мужа, дала ему свой башмак и наперсток и завещала ему:

– Слышишь, кроме как на той, кому подойдут эти башмак и наперсток, когда я умру, не женись.

Жена умерла, и муж решил жениться. Носит туда-сюда башмак умершей жены, но башмак никому не годится. Пришел домой, одел башмак на ногу своей дочери, и он оказался ей впору. Тогда муж говорит:

– Давай я женюсь на тебе.

Дочь удивилась:

– Как так, разве когда-нибудь отец женился на своей дочери?!

Носит, носит отец башмак. То на ногу одной оденет, то на ногу другой, но башмак никому не годится. В конце концов он пришел домой и опять примерил башмак на ногу дочери, башмак подошел. Опять говорит ей отец:

– Давай я на тебе женюсь.

Тогда дочь ему отвечает:

– Если ты не оставляешь меня в покое, сделай то, что я тебе скажу, и я соглашусь.

– Хорошо, мол, сказал отец.

Дочь говорит:

– Построй дом в семь этажей с потайными помещениями, чтобы, если кто-нибудь придет тебя убивать, я тебя спрятала.

Отец построил хороший дом, а посередине установил большую деревянную трубу. Дочь согласилась выйти замуж за отца, и они стали жить в этом доме. Долго прожили.

Однажды отец куда-то ушел, дочь же завернулась в волчью шкуру и залезла

на эту трубу. Отец (муж) пришел домой, посмотрел по углам дома, дочери нигде нет. Забеспокоился, где же теперь мне ее искать.

В один день он разозлился и потопил весь дом в большой реке, оставил одну трубу. Долго простоял он на берегу реки переживая, затем вернулся в свой прежний бедный дом.

Дочь, завернувшись в волчью шкуру, вылезла из реки и побежала в сторону леса. По дороге она встретила одного парня, и он очень обрадовался, мол, вот мне обученный волк. Привел ее домой и завел в комнату из золота. У этого парня было семь сестер. Они каждый вечер ходили к реке купаться. Девушка тоже отправилась за ними, но они не пускали ее с собой. После нескольких раз юноша говорит:

– Поведу-ка я волка сегодня на берег реки, посмотрю, что он будет делать.

Пошли. Как только они подошли к берегу реки, девушка скинула свою волчью шкуру и стала купаться. Юноша схватил волчью шкуру и унес. Девушка заплакала и говорит ему:

– Отдай мне мою волчью шкуру, а то сюда я пришла в волчьей шкуре, а обратно как же без нее?

Юноша отдал ей волчью шкуру. Она опять в нее завернулась, они пришли в золотую комнату и закрыли за собой дверь.

Тем временем к ним начали стучаться его семь сестер.

Юноша говорит им:

– Я не открою вам до тех пор, пока вы нас не обвенчаете.

Сестры заплакали и говорят ему:

– Как же мы обвенчаем своего единственного брата с волком?

Юноша говорит:

– Нет выхода, я убью себя, но все равно женюсь на этом волке.

Сестры подкатили повозку. Юноша открыл дверь, и девушка, вся золотая, вышла из комнаты. Они сели на повозку, их отвезли в церковь и обвенчали. Они стали мужем и женой.

Через некоторое время у них родился золотокудрый мальчик. Родители очень радовались ему, души в нем не чаяли.

Как-то раз к ним попадает отец девушки. Они не знали, кто он, и взяли его к себе в батраки. Через несколько дней он отрезал золотую прядь у мальчика, а окровавленный нож положил в карман матери. Мать с отцом стали причитать, мол, кто-то тронул голову нашего мальчика. Удивляются, мол, кто мог сделать это.

Батрак им говорит:

– Давайте поищем, у кого в кармане окровавленный нож, тот и сделал это, иотрежем тому руки.

Нашли окровавленный нож в кармане у матери и отрезали согласно договору ей руки. Саму ее отнесли в поле и там оставили распятой на шестах.

Женщина причитала в поле, тем временем около нее появился ангел и спрашивает:

– Что с тобой, хорошая женщина, кто с тобой это сделал?

Она рассказала ей все:

– Был у меня ребенок с золотой прядью. Мой отец устроился к нам батраком, убил моего ребенка и свалил вину на меня. Поэтому со мной так поступили.

Ангел ей говорит:

– Я иду и пущу золотой родник, и как только ты услышишь его звук, так иди

и омой этой водой свои раны и раны своего ребенка, и вы станете в семь раз лучше, чем были.

– Хорошо, мол, сказала женщина.

Ангел ушел, и в тот же миг зажурчал родник. Женщина побежала и омыла водой раны себе и ребенку, и они стали в семь раз лучше, чем были. Ангел увел их оттуда и завел в золотую башню. Говорит женщине:

– Слышишь, живи здесь со своим ребенком и никого к себе не пускай.

Долго она прожила в этом доме. Как-то раз к ней постучали двое мужчин. Женщина выглянула к ним. Один из них был ее отец, который убил ее мальчика. Она сделала вид, что не узнала его, завела их в дом. Накрыла им стол и споила отца. После ужина гостя завела в свою комнату, а отца отправила спать в сад. А сад был чудесный, обильный: там были разные фрукты и цветы, водились змеи, которые могли проглотить человека целиком. И рос там чудесный виноград, она наказала отцу не трогать виноград. Мол, а то отдам на съедение змеям.

Отец говорит:

– Я вообще не ем виноград.

Когда отец заснул, она вымазала нож виноградным соком и положила его в карман. Утром вышла и стала считать виноград.

Мужчина говорит:

– Я ничего не срывал.

Женщина говорит:

– Давай поищем, где найдем нож в виноградном соке?

Женщина первая показала свой карман и, надо сказать, ножа там не оказалось. Проверили карман мужчины и вынули оттуда нож в виноградном соке.

Мужчина был не рад:

– Как в моем кармане оказался нож в виноградном соке?

Женщина ему говорит:

– Как ты не ел этот виноград, так и я не убивала своего ребенка. Но ты пос-

тупил вероломно, свалил на меня свою вину, и я подверглась испытаниям.

Она отдала мужчине на съедение змеям. Муж ее вернулся к ней, и живут они хорошо.

¹ Мифологический словарь. М., 1991. С. 662.

² Кочиев К.К. Из истории скотоводческих культов осетин. Фалвара // Известия ЮОНИИ, вып. XXIX. Тбилиси, 1985. С.160.

³ Абаев В.И. Опыт сравнительного анализа легенд о происхождении Нартов и римлян // Абаев В.И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. С.302-325.

⁴ Есть свидетельство, полученное нами от Саутиевой Ф., что при первом громе (действиях Громовержца) нужно бить человека по спине, произнося заклинания. Наверное, чтобы уберечь его от стихии.

⁵ Семенов Вл.А. Башмачок Золушки (знак/символ — след/стопа как явление культуры) // Традиционная духовная культура народов европейского Севера: ритуал и символ. Сыктывкар, 1990. С.57.

⁶ Сокаева Д.В. Несказочная проза осетин (быличка) на материале текстов фольклорной экспедиции 1999 г. в Дигорское ущелье (ус-бирæгъ) // Материалы Гагкаевских чтений. Владикавказ, 2001. С.115–116.

⁷ См.: Сокаева Д.В. Образ «трех девушек» — «трех женщин» в сюжете 707 АТ, СУС «Чудесные дети» осетинской волшебной сказки и в сказке Пушкина о царе Салтане // Вторые владикавказские Пушкинские чтения к 200-летию А.С. Пушкина. Владикавказ, 1999. С.77–78.

⁸ Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С.284.

С мельницей связан тайный культ женщин-руи — носителей языков шина и бурушаски. Такая женщина «устраивает для оборотней пиршества... в ночь накануне такого пиршества, в то время, как тело ее мирно покоится около ее мужа, она совершает полет над горами и долинами и нападает на какого-либо человека, конем служит сундук или прялка... не смеет касаться проточной воды, если не хочет потерять свою силу» и т.д., в том числе «женщину может превратить в руй ее собственная мать: она заставляет маленькую дочь танцевать на вращающемся в горизонтальной плоскости жернова водяной мельницы...».

⁹ В скобках даны примечания автора статьи.

¹⁰ Тексты даны в подстрочном переводе автора статьи.

¹¹ Пропуск в тексте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

НА СОИГСИ — Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований ВНЦ РАН и Правительства РСО–Алания.

ф.ф. — фольклорный фонд.

АТ — The Types of the Folk-tale. Antti Aarne's (FF Communications. No.3). Translated and enlarged by Stith Thompson, Ph.D. Helsinki, 1928.

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Сост. Барга Л.Г., Березовский И.П., Кабашников К.П., Новиков Н.В. Л., 1979.

МД — журнал «Мах дуг».